

П.А. БАДМАЕВ И «ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС»: ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ С АГВАНом ДОРЖИЕВЫМ И ГОМБОЖАБОМ ЦЫБИКОВЫМ*

Петр Александрович Бадмаев (1851–1920) — известный врач тибетской медицины, общественный и политический деятель Забайкалья и России.

Жамсран (Жамцаран) или Петр Александрович Бадмаев родился в 1851 г. в местности Таптанай в Забайкалье. Благодаря заслугам старшего брата ламы-эмчи Сультима (А.А. Бадмаева), он получил возможность обучения в Иркутской гимназии (1864–1870), которую он окончил с золотой медалью. В Санкт-Петербурге он получил два высших образования: востоковедное (восточный факультет Санкт-Петербургского университета) и медицинское (Медико-хирургическую академию), 17 лет служил в Азиатском Департаменте МИД России и получает высокий титул действительного статского советника. В 1893 г. пишет Записку на имя императора Александра III с известным Азиатским проектом и получает после сложных переговоров 2 млн р. на его реализацию. Позднее его поддерживает и российский император Николай Второй, но в 1896 г. произошло прекращение финансирования Проекта и завершение деятельности Азиатского проекта. Строительство КВЖД пришло в противоречие с проектом П.А. Бадмаева и его финансирование и реализация. П.А. Бадмаев играл большую роль в формировании восточной политики России, защите национальных интересов бурятского этноса в Забайкалье. Его политическое влияние в Петербурге приводило к формированию своеобразного политического кружка П.А. Бадмаева, его влиянию на назначение министров и других политических и государственных назначений. Его влияние усиливалось и лечением методами тибетской медицины, особенно лечением наследника Алексея и влиятельных сановников.

Вклад П.А. Бадмаева в российскую науку, культуру, общественную жизнь России очень весом и значителен:

1. П.А. Бадмаев основал и издавал первую в России газету на монгольском языке в Чите «Жизнь на восточной окраине» (газета издавалась параллельно на двух языках: русском и монгольском).

2. Он первым в мире и России перевел на русский язык и издал трактат тибетской медицины «Жуд-ши».

3. Оказал серьезную материальную и организационную поддержку строительству буддийского храма в Петербурге в начале XX в.

4. Первым разработал проект трансмонгольской железной дороги, построенной только полвека спустя.

5. Первым из бурят стал членом масонского общества «Маяк», играл в Петербурге важную роль защиты интересов бурят в России и Забайкалье.

6. Первым из бурят получил два высших элитных образования в Петербурге, публиковал книги по геополитике России на Востоке, в Китае и Тибете, публиковал публицистические работы на важные политические события.

7. П.А. Бадмаев пользовался большим политическим влиянием в столичном Петербурге, влиял на политические и государственные назначения.

В изучении творческой биографии П.А. Бадмаева и его многогранной деятельности в российской историографии существует три основных линии.

Первая линия в российской историографии — негативная, очернительская и клеветническая. Она возникла при его жизни и существовала до начала 90-х гг. XX в., сохранилась в незначительном виде и в современной литературе и культуре. Критика его медицинской

* Печатается при финансовой поддержке проектов РГНФ № 15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика» (номер регистрации в ФГАНУ ЦИТиС 115041370110) и № 15-21-03008 «Энциклопедия российско-монгольских отношений».

практики в начале XX в., конкуренция с европейской медициной вызвали первую волну критики, которая нашла отражение в российской периодической печати, центральной и региональной. Его критиковали не только представители медики, но и православные священники, видя в нем защитника буддизма и шаманизма. В советской исторической и художественной литературе длительное время тиражировался образ П.А. Бадмаева, как политического авантюриста и дилетанта. По нашему мнению, она не соответствует действительности и постепенно сходит почти на нет.

Второе направление в российской историографии — идеализация жизни и деятельности Петра Бадмаева. Невероятно большая заслуга бурятских ученых: профессоров Ш.Б. Чимитдоржиева, Р.Е. Пубаева, писателя и родственника П.А. Бадмаева Бориса Сергеевича Гусева в 1990-е–2000-е гг. восстановили доброе имя врача тибетской медицины П.А. Бадмаева, его вклад в образование и науку, внешнюю политику России в Северо-Восточной Азии.

К сожалению, на определенном этапе исследования его деятельности начался не критический подход в оценке событий жизни изучаемого известного бурятского деятеля и его идеализация, и даже создание определенного культа Петра Бадмаева в общественной мысли Бурятии и периодической печати, Интернете.

Третье направление в современной историографии наименее малочисленное. Оно началось формироваться еще в 20-е гг. XX в., известной работой В.П. Семенникова, опубликовавшим очерк о П.А. Бадмаеве и сборник документов «За кулисами царизма». В современной российской историографии опубликовано незначительное число научных статей, основанных на документах и исторических источниках, серьезном и критическом анализе исторических источников (Ж.Т. Тумунов, И.В. Лукоянов, Ю.В. Кузьмин).

Интерес П.А. Бадмаева к Тибету определялся изучением тибетской медицины, поиском новых медицинских источников и уточнением состава медицинских препаратов. Его внешнеполитическая концепция значительное место уделяла «тибетскому вопросу», как своеобразному ключу к центру буддийского мира¹. В проблеме отношения П.А. Бадмаева к «тибетскому вопросу» пока много неясного и неизвестного. Его биография плотно пересекается

с ключевыми фигурами русско-тибетских связей: А. Доржиевым, Г. Цыбиковым, Б. Рабдановым, Э.Э. Ухтомским.

П.А. Бадмаев и А. Доржиев, как это ни странно покажется на первый взгляд, некоторым образом внешне их биографии схожи. Они земляки — забайкальские буряты, А. Доржиев — галзутского рода (родился в 1854 г.), другой — рода хаоцай (1851). П.А. Бадмаев достиг блестящей карьеры в столице Российской империи, стал действительным статским советником и влиятельным политиком, А. Доржиев — Тибете, в Лхасе. Оба стремились установить более тесные отношения между Россией и Тибетом, подходы их в данной проблеме существенно различались. Многие их отличает: А. Доржиев стремился к моральному и нравственному совершенствованию, П.А. Бадмаев — к материальному успеху и служебной карьере.

Во второй половине XIX — начале XX вв. Тибет манил к себе буддистов, путешественников и военных разведчиков. Закрытость Тибета, его не изученность и неизвестность еще больше разжигали интерес к этой таинственной стране, ее народу, культуре и обычаям. Буддийские монастыри Тибета и Лхасы — резиденцию Далай-ламы ежегодно посещали тысячи религиозных паломников, часть из них подолгу задерживались здесь, получая религиозное образование и совершая различные обряды. Среди них были и паломники из России — бурятские и калмыцкие ламаисты. Здесь они не только присутствовали на религиозных праздниках, но и приобретали священные буддийские книги, трактаты по философии и медицине.

Привлекал к себе Тибет и географов и путешественников, манил своей неизведанностью и «белыми пятнами» географии и геологии страны. Их не пугали трудности пути, многомесячные преодоления горных хребтов и пустынь. Известные русские путешественники Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, П.К. Козлов основательно исследовали северный Тибет, мечтали побывать в Лхасе, особенно Пржевальский и Козлов. Успешное путешествие в Тибет совершил известный бурятский ученый Г.Ц. Цыбиков.

П.А. Бадмаев был сторонником расширения влияния России в Восточной Азии, он работал и пытался реализовать невероятный

план по включению Китая, Тибета и Монголии в сферу влияния России, вплоть до полного включения этих стран в состав Российской империи. Бадмаев обращает особое внимание на Тибет, называя его ключом к Азии со стороны Индии: «Кто будет господствовать над Тибетом, тот будет господствовать и над Кукуном — господствует над всем буддийским миром, не исключая и русских буддистов, а господствуя над Сы-чу-анью — господствует над всем Китаем»².

П.А. Бадмаев выступал за более активную роль России в «тибетском вопросе», чем занимала официальная позиция МИДа. Он считал, что Великобритания стремится овладеть Тибетом и Китаем, поэтому Россия должна не допустить этого и упредить действия конкурирующей стороны.

Российские дипломаты внимательно следили за сообщениями в Тибете и вокруг него. Ценную информацию о «тибетском вопросе» представили Агван Доржиев, Г.Ц. Цыбиков, Б. Барадин, калмык О. Норзунов, побывавшие в Тибете. Великобритания подозревала Россию в намерении в той или иной форме распространить свое влияние на Тибет. Тем более, что в самом Тибете существовала прорусская партия, связывавшая национальное возрождение страны с внешнеполитической поддержкой России. Однако эти надежды не оправдались. Особенно это ярко проявилось в 1904 г., когда Далай-лама бежал в Монголию и искал реальной поддержки со стороны России. Российская дипломатия заняла выжидательную позицию в «тибетском вопросе».

В России были влиятельные политики, заинтересованные в усилении влияния России в Тибете (С.Ю. Витте, Э.Э. Ухтомский, представители военного ведомства). К ним примыкал и П.А. Бадмаев. Агван Доржиев четыре раза (в 1898, 1900, 1901, 1906)³, встречался с царем Николаем II и передавал ему послания Далай-ламы. По мнению А.Д. Цендиной, «в серьезном, практическом смысле основательного присутствия России в Тибете, тем более, военного, не прорабатывались, а в 1905 г. и вовсе были оставлены»⁴.

Позиция П.А. Бадмаева принципиально отличалась от официальной линии МИДа. В одной из записок 1893 г. он писал: «Тибет надо присоединить к России вместе с Китаем и Монголией».⁵ Он считал, что Тибет, как самое

высокое плоскогорье в Азии, господствующее над азиатским материком, непременно должно находиться в руках России.

Доктор исторических наук, современный специалист по истории русско-тибетских отношений Н.С. Кулешов утверждает, что в исторической литературе утвердился ошибочный тезис об англо-русском соперничестве в Тибете. По его мнению, нет ни одного свидетельства об экспансии, агрессии или хотя бы заинтересованности России в Тибете. Интерес к Тибету в России, разумеется, имелся.

Постоянный и глубокий интерес Бадмаева к тибетской медицине объективно толкал его в Тибет, в знаменитые тибетские монастыри — хранилища древних медицинских трактатов и прежде всего полного текста «Чжуд-ши».

Перевод медицинских сочинений с тибетского языка на русский осуществлялся, по свидетельству современников, многоступенчатым путем: с тибетского на монгольский, с последнего на бурятский и только затем на русский. Возникает естественный вопрос, почему Бадмаев сам не переводил с тибетского и монгольского языков. Как выпускник восточного факультета, Бадмаев должен был хорошо владеть китайским, тибетским, монгольским языками. Однако на практике он обращался к переводчикам.

Известно, что подавляющее большинство известных общественных деятелей и ученых, изучающих Тибет, так или иначе, было связано с П.А. Бадмаевым. Это А. Доржиев, Г.Ц. Цыбиков, Б. Барадин, Б. Рабданов.

Бадмаев определил востоковедную специализацию Г. Цыбикова и нацелил его на изучение Монголии, Китая и Тибета и в какой-то мере определил знаменитую тибетскую экспедицию. П.А. Бадмаев встретил своего молодого земляка Г. Цыбикова уже студентом Томского университета, изучающим медицину. Это был 1893 г. — начало нового этапа в деятельности П. Бадмаева. Время активного освоения и проникновения в соседние с Россией восточные страны, формирования собственного Торгового дома, ориентированного на Китай, Монголию и Тибет. Бадмаев остро нуждался в профессионалах, знающих эти страны. Ему были нужны не просто профессионалы высокого класса, но и люди, которым он мог бы полностью доверять важную информацию и свои практические дела.

Мотивы смены Г. Цыбиковым будущей профессии врача на востоковеда в разных изданиях объясняются по-разному. Одни считают, что Г. Цыбиков разочаровался в медицине, согласно другим данным, он был вынужден отказаться от учебы на медицинском факультете Томского университета по желанию отца и родственников. Автор биографического очерка в двухтомнике сочинений Г. Цыбикова Ц.Б. Цыдендамбаев пишет, что «в этом немаловажную роль сыграл и известный царедворец П.А. Бадмаев, который, будучи проездом в Томске, посоветовал Г.Ц. Цыбикову расстаться с медицинским факультетом, что отвечало желанию самого юного Цыбикова, и посвятить себя востоковедению и дипломатической деятельности на Востоке»⁶.

По нашему мнению, представляется, что предложения Бадмаева сыграли решающую роль в смене профессии. С одной стороны, Бадмаев был чрезвычайно заинтересован в подготовленных специалистах по Востоку и людям, которым можно доверить информацию не для всех. Ведь не случайно Бадмаев специально заехал в Томск, чтобы переговорить с земляком. С другой стороны, перед Г. Цыбиковым предстал преуспевающий П.А. Бадмаев, как пример возможного успеха в Петербурге. Для молодого человека, избравшего жизненный путь и обучение, блистательная карьера Бадмаева в Петербурге являлись убедительным аргументом.

В дальнейшем их сотрудничество продолжается и укрепляется. После ухода из Томского университета Г. Цыбиков около года проводит в Урге, где занимается изучением монгольского и тибетского языков, бытовой и религиозной культуры ламаистского духовенства. Он совершает путешествие в Западную Монголию, исследовал все имеющиеся в регионе древности и монастыри, сохранился дневник описания этого путешествия. Видимо, деньги на годичное пребывание в Монголии были получены от П.А. Бадмаева. Писатель Б. Гусев называет сумму в 100 р., выделенную для поездки. Это была своеобразная стажировка перед поступлением в университет, полезная и необходимая для более глубокого познания восточного общества. Опубликован дневник этой поездки, к сожалению, не сохранились первые страницы дневника, в которых объяснялись цели поездки.

В дальнейшем их отношения продолжались самым непосредственным образом. В 1895 г. Г. Цыбиков поступает на китайско-монголо-маньчжурское отделение Петербургского университета, и не просто становится студентом этого престижного университета, а получает стипендию П.А. Бадмаева. Сам переживший трудности в начальный период получения высшего образования в Петербурге, П.А. Бадмаев оказал в нужное время необходимую поддержку. К сожалению, неизвестно, сколько всего стипендий выделил Бадмаев и кто еще пользовался ими. Позднее, за отказ принять христианство, Г. Цыбикову было отказано в материальной поддержке, и он был вынужден обратиться за финансовой помощью к родственникам. Открытым остается вопрос, как разрешался этот конфликт. Легко или тяжело разрешалась данная ситуация? Был ли это разрыв навсегда, или постепенно испорченные отношения возобновились позднее снова. Положение складывалось очень неоднозначное.

П.А. Бадмаев очень удачно определил творческую судьбу своего земляка, нацелив его на серьезное изучение Монголии, Китая и Тибета. Это направление, этот толчок привели его к знаменитой тибетской экспедиции 1899–1902 гг., результаты которой навсегда обессмертили его имя. Даже разойдясь с П.А. Бадмаевым, Г. Цыбиков объективно выполнил задачу — изучение Тибета, в которой доктор тибетской медицины был чрезвычайно заинтересован. Было бы интересно знать, как П. Бадмаев воспринял результаты экспедиции Г. Цыбикова, встречались ли они друг с другом и что обсуждали. Не исключается, что экспедиция Г.Ц. Цыбикова — часть проекта П.А. Бадмаева. Этот вопрос нуждается, по нашему мнению, в специальном изучении.

Отказ Г. Цыбикова от принятия христианства во всех отношениях оказался разумным и перспективно оправданным. Путешествие, принявшего православное крещение Г. Цыбикова, в закрытую Лхасу было бы невозможным и опасным. Нам представляется, что здесь кроется еще одна тайна, загадка в жизни П.А. Бадмаева. Возможно, отказ от принятия крещения был глубоко продуманный шаг Г. Цыбикова и П.А. Бадмаева (?). Возможно, это только наши предположения, не имеющие реального подтверждения.

По данным профессора Ж.Т. Тумунова из Агинского, П.А. Бадмаев и Г.Ц. Цыбиков были близкими родственниками. Мать П.А. Бадмаева — Монтуханова Пагма была сестрой Монтуева Цыбик, отца профессора Г.Ц. Цыбикова. Поэтому не случайно, в Иркутск молодого Жамсрана сопровождал отец Цыбикова, а П.А. Бадмаев оказал помощь и поддержку студенту Г.Ц. Цыбикову.

Другой ученик гимназии Бадмаева на Поклонной — Б.Барадин совершил путешествие в северный Тибет и составил подробное его описание. Редактор его газеты Б. Рабданов также совершил путешествие в монастыри северного Тибета.

Деятельность Торгового Дома П.А. Бадмаева распространилась и на Тибет. Опорными географическими точками Торгового Дома являлись, наряду с другими восточными городами, Лхаса, буддийские монастыри Лабран и Гумбум. Именно туда Бадмаевым направлялись его бурятские посланцы. Агенты П.А. Бадмаева в 1895 г. побывали в Тибете, встречались с А. Доржиевым. Похоже, что П.А. Бадмаев неплохо был осведомлен о внутренних и международных делах Тибета. Ведь именно в этом году Далай-лама становится правителем Тибета и позиции А. Доржиева довольно серьезно укрепляются.

Возникает естественный вопрос, насколько инициатива П. Бадмаева была самостоятельной. Скорее всего, она была согласована на самом высоком уровне и возможно когда-нибудь будут обнаружены и документы, подтверждающие это.

Как известно, наибольшим влиянием в Монголии, Китае и Тибете пользовались известные ламы: настоятели крупных буддийских монастырей, гегены, хубилганы. Их влияние на местное население, значение в политической и общественной жизни трудно переоценить.

В Забайкалье к П.А. Бадмаеву прибыли известные в буддийском мире гегены: гумбумский — Сертун и лабранский — Жамбасен, сопровождаемые свитой. Они прожили у него 10 дней, высказали свои взгляды на маньчжурскую династию, исламское движение близ Кукунора. Бадмаев пишет: «Я отнесся к ним с доверием и решил воспользоваться их знанием для выполнения своего плана. Сделал им подарки, наградил их слуг, дал в полное их

распоряжение верблюдов, лошадей, оружия, патронов и сумму денег для приобретения небольшого недвижимого имущества в Гумбуме и Лабране, которые должны сделаться складными местами для оружия и местонахождения моих посланных»⁷.

Гумбум и Лабран — это не только известные монастыри, но и ближайшие и удобные пункты влияния на Ланчжоуфу.

Среди знаменитых лам выделялся геген Лабрана Няндоксен, который пользуется известностью по всей Монголии, а также у пекинских буддистов. Он пробыл в Забайкалье полгода, дал ценные сведения о положении дел в Кукуноре и Ланчжоуфу, обещал в будущем поддержать влиятельных лам из Лабрана и Гумбума.

В Записке П.А. Бадмаева отмечается и успешная деятельность в Тибете Агвана Доржиева: «В Лхасе у Далай-ламы продолжает иметь влияние бурятский лама Агван, благодаря чему бурятам дозволено проживать там и ездить в Тибет, именуясь подданными белого царя, а ранее они приезжали туда под именем монголов, подданных богдохана»⁸. Историк И.В. Лукоянов на основе архивных материалов (РГИА, ф. 560) пишет: «Доржиев опекал представителя Бадмаева бурята Очира Жигмитова, когда тот нелегально прибыл в Лхасу. Доржиев не был агентом Бадмаева, но поддерживал с ним контакты»⁹.

В.П. Семенников во вступительной статье «Тибетский врач и русская монархия» сборника «За кулисами царизма» писал по этому поводу следующее: «22 апреля 1896 г. Бадмаев сообщал Витте о возвращении из Лхасы посланных туда бурят Жигмитова, Ванчинова и других. Основываясь на словах этих лиц, Бадмаев писал Витте о военных действиях в Тибете англичан, при чем, высказывал мнение, что «очевидно, Англия желает взять Тибет»... Вместе с тем Бадмаев подчеркивал, что — по словам Жигмитова, — «в Тибете на каждом шагу золотые россыпи». Отсюда вытекал и вывод, что «следует теперь же послать туда (в Тибет) 2 тыс. чел., хорошо вооруженных, и помочь тибетцам удержаться. Представляя об этом Николаю, Витте писал: «Приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что установлению через посредство торгового дома «П.А. Бадмаев и К» сношений с столицей Тибета Лхасой я, с своей стороны придаю огромное политическое

значение. До сих пор в Лхасу, насколько мне известно, еще не проникала нога европейцев. Смелый и мужественный Пржевальский, пересекавший Китай по всевозможным направлениям и не знавший никаких преград своей энергии, должен был отказаться от давно лелеянной им мысли проникнуть в Лхасу, так как встретил настойчивое противодействие со стороны местных властей. Ныне же посланные Бадмаевым буряты, хотя открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхасу и были там очень ласково приняты»¹⁰. С.Ю. Витте исторически не точен относительно первых европейцев, а также нам кажется сомнительным, чтобы буряты открыто заявляли о российском происхождении и целях своего путешествия. Миссия эта была явно тайной и проходила широко без огласки.

П.А. Бадмаев обращался к официальным представителям России о награждении А. Доржиева. История взаимоотношений Петра Бадмаева и Агвана Доржиева почти неизвестна, не подтверждается пока документальными материалами. Но заслуживает специального изучения и позволит по-новому осветить историю русско-тибетских отношений. Их биографии несколько схожи, они цельны и целеустремленны, последовательны в своих действиях и поступках, для них характерно стремление к совершенствованию. Правда, А. Доржиев делал карьеру в религиозной иерархии, а П.А. Бадмаев — в светской.

Сохранилась фотография, сделанная в Петербурге, на которой изображена группа известных бурятских деятелей. В центре фото изображен Агван Доржиев, а рядом с ним, с одной стороны, П.А. Бадмаев, с другой стороны, Ц. Жамцарано. Представляется, что это не случайно, а свидетельство определенной близости отношений и взаимной симпатии.

В автобиографическом повествовании Агвана Доржиева «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева» перед его поездкой в Петербург отмечается: «Я получил известия от одного бурятского высокопоставленного лица о том, что я должен ехать в Санкт-Петербург, в связи с чем, я подумал: «Цели, к которым я стремился ранее, могут быть достигнуты сейчас»¹¹. По нашему мнению, речь в данном случае идет именно о П.А. Бадмаеве («одно бурятское высокопоставленное лицо»).

С другой стороны, опубликованный сборник архивных документов в 2005 г. «Россия и Тибет. 1900–1914» не подтверждает участия П.А. Бадмаева в тибетских делах. Ни в одном из опубликованных документах имя Бадмаева не упоминается. Правда, пик его деятельности по тибетскому вопросу относится к более раннему периоду, к концу XIX в. Тем не менее, составители сборника документов во введении подробно останавливаются на роли П.А. Бадмаева в тибетском вопросе, описывая на двух страницах его деятельность¹². Некоторые оценки составителей представляют для нас несомненный интерес: «Из этого доклада видно, что Витте не ставил вопроса о присоединении Тибета к России (чего добивался Бадмаев), а лишь стремился противостоять усилию британских позиций в Лхасе. После подписания в 1896 г. по инициативе С.Ю. Витте контракта на строительство КВЖД, предприятие Бадмаева стало мешать планам министра финансов, так как могло обострить русско-китайские отношения и создать конкуренцию. Бадмаев был фактически отстранен от участия в дальневосточных предприятиях Витте. В начале 1898 г. в российской правящей элите оформляется уже новая группировка — так называемая «безобразовская клика», по имени А.М. Безобразова, дослужившего впоследствии до должности статс-секретаря Николая П. В нее входили князь Александр Михайлович, контр-адмирал Абаза, и др. К этой группе примкнул и П.А. Бадмаев»¹³.

В поездке А. Доржиева в Петербург и Западную Европу сопровождал «человек Бадмаева» Б. Рабданов, что тоже не является случайным. В 1903 г. именно Б. Рабданов был назначен представителем российского консульства в Дацзянлу в Восточном Тибете. Сохранились дневники и письма Б. Рабданова об этом периоде: «Год в Дацзянлу», «Путевые заметки богомольца». По мнению А.В. Дамдинова, он выполнял чисто наблюдательные функции, регулярно снабжая информацией Русский МИД»¹⁴. Он являлся связующим звеном между Агваном Доржиевым и российскими дипломатическими структурами.

Отношения между П.А. Бадмаевым, Б. Рабдановым и А. Доржиевым не всегда складывались гладко и ровно, в определенные периоды возникали и противоречия. В январе 1904 г. П.А. Бадмаев писал в письме к В.Н. Коковцеву

(министру финансов): «посредничество Агвана (Агвана Доржиева) и Будды Рабданова между Вами и Тибетом меня очень тревожит. Будда Рабданов служил у меня 2,5 года, делал долги, доставлял неверные сведения, выгодные для его личных интересов»¹⁵.

В 1904 г. П.А. Бадмаев пишет министру иностранных дел России записку о Тибете. Пишет ее в январе месяце, буквально накануне серьезных событий в Тибете. Что свидетельствовало о глубоком внимании доктора к событиям в далекой от России стране.

Его беспокоит активизация в Тибете Великобритании, и он настаивает на усилении роли России в регионе. Он рассчитывал на прием министра иностранных дел России, но это ему не удастся. В «тибетском вопросе» Россия заняла пассивную и выжидательную позицию, а авторитет и влияние П.А. Бадмаева были тогда не на высоком уровне, ввиду неудач его восточного проекта (резолуция Николая II: «К сожалению, я больше не доверяю словам Бадмаева»)¹⁶. Начало неудачной для России русско-японской войны 1904–1905 гг. делало интерес российского правительства к Тибету минимальным.

Таким образом, П.А. Бадмаев проявлял большой интерес к Тибету и «тибетский вопрос» являлся составной частью его внешнеполитической концепции. Остается открытым вопрос о пребывании самого П.А. Бадмаева в Тибете. Писатель Б.С. Гусев считает, что Бадмаев побывал в Тибете и Лхасе, встречался с Далай-ламой. Известные нам публикации и архивные

материалы не подтверждают версии о путешествиях доктора тибетской медицины в эту труднодоступную страну. В письме П.А. Бадмаева к Николаю II от 15 января 1897 г. сообщается о намерении совершить путешествие в Тибет: «Ныне должен был бы ехать в Пекин, а оттуда чрез Кукунор в Тибет»¹⁷. Он направлял туда специальных гонцов и принимал известных буддийских деятелей в Забайкалье. В любом случае, П.А. Бадмаев первым пытался в 1895 г. установить отношения России с Тибетом, его агенты встречались с Агваном Доржиевым и согласовывали с ним совместные действия.

Итак, на раннем этапе отношений, П. Бадмаев и А. Доржиев действовали согласованно в решении «тибетского вопроса», затем различие подходов к нему привели к некоторой конкуренции за первенство в его разрешении. На начальном этапе так называемой «азиатской авантюры» П.А. Бадмаев пользовался серьезным влиянием на формирование дальневосточной политики России, получал миллионные кредиты под реальные проекты. В начале XX в. влияние и позиции Бадмаева серьезно ослабли, и эта ниша стала заполняться другими политиками.

Роль П.А. Бадмаева в «тибетском вопросе» представляется нам чрезвычайно важной, особенно на начальном этапе. Этот исторический факт известен очень узкому кругу специалистов-востоковедов. Это событие позволяет по-новому подойти к характеристике русско-тибетских связей и уточнить историю этих событий.

Примечания

¹ Кузьмин Ю.В. Доктор П.А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель. М., 2014. 183 с.; Кузьмин Ю.В. Восточные проекты П.А. Бадмаева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. С. 73.

² Бадмаев П.А. За кулисами царизма. М., 2001. С. 132.

³ Цендина А.Д. И страна зовется Тибетом. М.: Вост. лит., 2002. С. 199.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Бадмаев П.А. За кулисами царизма. М., 2001. С. 123.

⁶ Кулешов Н.С. Россия и тибетский кризис начала XX в. // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 152.

⁷ Цыдендамбаев Ц.Б. Вступление // Цыбиков Г.Ц. Избранные труды в двух томах. Новосибирск: Наука, 1991. С. 7.

⁸ Семенников В.П. За кулисами царизма. Л., 1925. С. 105.

⁹ Там же.

¹⁰ Лукоянов И.В. Восточная политика России и П.А. Бадмаев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 125.

¹¹ Семенников В.П. Тибетский врач и русская монархия // За кулисами царизма. Л., 1925. С. XXIII.

¹² Россия и Тибет: сборник русских архивных документов. 1900–1914. М.: Вост. лит., 2005. С. 14–15.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Дамдинов А. Агван Доржиев: дипломат, политический и общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999. С. 37.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 12.

¹⁶ Там же. Д. 581. Л. 51.

¹⁷ За кулисами царизма. М., 2001. С. 107.